Живая душа

Автор:
Лев Трутнев

Живая душа

Лев Трутнев

Школьная библиотека (Детская литература)

В сборник современного сибирского писателя Льва Трутнева включены произведения, повествующие о жизни птиц и животных. Часто автор делает главным героем лесного жителя. Человек же выглядит наблюдателем, гостем в этом таинственном царстве. Своим творчеством Л. Трутнев прививает читателям умение любить, бережно и уважительно относиться к совершенно незнакомому, как оказывается, для нас миру – миру Природы.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Лев Емельянович Трутнев

Живая душа

Рассказы и повести

Отсветы живой души

В сибирском городе Омске живет и работает Лев Емельянович Трутнев (род. в 1935 г.) – вдумчивый, пристально всматривающийся в окружающий мир писатель, чувствующий природу так, как дано немногим. Говорю это не ради красного словца. Представляя читателям этого автора, я нисколько не сомневаюсь в том, что его произведения откроют им многие тайны природы, заставят задуматься о единстве и взаимной зависимости человека и всего мира. Без приукрашивания и упрощения, открыто и честно, в живых образах, с редкой достоверностью, определяющей и величину литературного дарования, и объем жизненных знаний писателя, воспроизводит Лев Емельянович картины сибирской природы. Он убеждает нас, что мир людей и мир животных не в состоянии существовать в изоляции друг от друга, что они не только экологически, но и духовно связаны между собой.

Вот как описывает автор в книге «Звонкий рог» свои первые впечатления от соприкосновения с природой, духовном слиянии с ней: «Просторы окружающего мира ознобили меня своей необъятностью и разнообразием, сознание потерялось в них, и сам себе я стал казаться ничтожно маленьким в купели живой природы, впервые смутно почувствовав смутную связь с ней и интуитивно уловив ее высокое главенство над человеком». Персонажи повестей и рассказов Льва Трутнева побуждают читателей к состраданию, жалости, сопереживанию, активному сопротивлению злу во всех его проявлениях. В сюжетных развязках добро побеждает зло, что является основой авторского мировоззрения. В повестях «Красный лис», «Длинноухий», «Белогрудый», где главные герои – дикие животные, симпатии читателя явно на стороне этих животных и таких людей, как мальчик и его дед егерь Яков.

«Безгранична природа в проявлении форм, цветов, звуков… – говорит писатель в предисловии к одной из своих детских книг. – Нужно лишь уметь видеть и слышать, воспринимать духовно то, что она нам открывает. И чаще всего эти открытия даются людям добрым, неравнодушным к этим самым проявлениям». И это истина! Все герои произведений Льва Трутнева, будь то взрослые, юноши или дети, наделены чувством глубокого сопереживания. Они не просто созерцатели происходящего – они действуют. Вот юные спасатели Денис и

Андрей во время весеннего наста, по-охотничьи – чарыма, отгоняют от стельной лосихи стаю волков (рассказ «Чарым»). «Все, что происходило у самой кромки леса, разворачивалось с пугающей быстротой. Сутуловатый лось, по брюхо завязший в снегу, ногами и безрогой головой отбивался от наседавших на него волков. В резких прыжках похожие на овчарок звери успевали хватануть лося зубами и мгновенно увернуться в отскоке от его тяжелых копыт. Гул движка остановил хищников. Они скучились, забегали в беспокойстве и, поняв опасность, откатились от лося и на махах понеслись в сторону болота, обходя друг друга».

Старый егерь охотничьего заказника Яков Земляков не раз рисковал жизнью, сталкиваясь с современными, наделенными властью и деньгами, браконьерами. В повести «Живая душа» он спасает от неминуемой гибели нелётного лебеденка. «Лебеденка егерь искал долго и упорно. Он обследовал каждую кочку, каждый укромный уголок в траве, до мельтешения в глазах всматривался в сумеречные камыши. Птицу Яков увидел в тупике, на лабзе. Вытянув шею, вжавшись в траву, лебеденок лежал плотно и был едва заметен. Осторожно подняв сачок, Яков накрыл им хлопунца. ‹…›

… Он чувствовал тепло, исходившее от птицы, и млел душой, будто нес в руках ребенка, и думал о лебеде, как о ком-то близком.

– Как бы нас ни били, как бы ни травили, мы будем жить, – бормотал Яков, подходя к мотоциклу».

Вот что написал о творчестве Льва Емельяновича известный писатель и публицист Владимир Мирнев: «Литературный талант писателя Льва Трутнева многогранен. Он с одинаковым искусством владеет и формой рассказа, и формой повести, и формой романа, работая к тому же в этих жанрах не только для взрослых, но и для детей – от дошкольного возраста (рассказы и сказки) до молодежного. Язык этого прозаика ярок и сочен, во многом лиричен, лишен каких-либо словесных штампов. Стиль – легок, глубоко выразителен. Большинство произведений писателя отражают такую важную тему, как отношения человека с природой, в которых с особой пестротой раскрываются образы людей, стоящих по ту и другую сторону экологических проблем. Причем картины природы в этих произведениях выписаны с глубокой художественной силой, волей-неволей уводящей нас в ее великие тайны и заставляющей принимать душой все то, о чем говорит автор…»

Да, в прозе Льва Трутнева нет ни одного случайного слова: каждое выверено сердцем, и потому во всех его произведениях так сокровенно, зримо и с высокой степенью правдивости раскрывается притягательная мощь природы, ее осветляющее воздействие на человека. А в рассказах «Первая рыбалка», «Чужак», «Лиходейство», «Особое мнение» и других, входящих в этот сборник, природа является живым участником, активно воздействующим на события.

В творчестве Льва Емельяновича есть много рассказов об охоте. Но охота охоте рознь. В нелегкое послевоенное время, когда писатель только-только выходил из младшего детства и приобщался к труду, когда по разным причинам приходилось тянуть полуголодную жизнь, охота не только была подспорьем к скудному столу, но в некоторых случаях и спасением. Здесь как раз и уместно сказать о той человеческой доброте, которая не допускает – даже в малых проявлениях – бездумного обращения с природой. Браконьерство, бессмысленное убийство животного, считалось смертным грехом, глубоко презиралось, и даже недоедание не могло толкнуть честного человека на подлость. В этой связи показателен рассказ «Особое мнение», в котором юный герой, впервые взятый отцом на зверовую охоту, вопреки его наказам, не поднимает ружья на лосенка.

«Скосив глаза, охотник заметил, как в темных кустах что-то сдвинулось. Острым взглядом он различил горбатую спину лося и обмер, затих от непонятного страха. Миг – и на поляну вымахнули звери. Как и предполагал отец, это была лосиха с теленком. Длинноногие сутулые звери шли прямо на Кольшу. ‹…›

Медленно и ровно поднял Кольша ружье – выстрел встряхнул все его напрягшееся тело. Лосиха вздыбилась, будто накололась на что-то, и стала оседать в снег. Теленок, отпрянув в сторону, замер. Он стоял совсем близко, и уложить лопоухого было нетрудно. Кольша быстро поменял патрон в ружье, но стрелять медлил: каким-то домашним показался ему лосенок в своей глупой беспомощности, и как-то невольно охотник чуть-чуть привстал.

Увидев человека, теленок нерешительно отбежал подальше, и тут явственно послышался лай Буяна: собака спешила на выстрел. Этот лай спугнул лосенка, погнал в спасительную чащобу».

Почти все произведения, включенные в эту книгу, отражают в своем нравственно-идейном ключе «отсветы живой души». Живая душа – это олицетворение добра, света, тепла, отзывчивости, искренности, гуманности, в противовес душе неживой. Все эти качества присутствуют в повестях и рассказах Льва Трутнева и являются основными вехами его творчества.

Немало и чудных явлений подметил писатель в своих бесчисленных «свиданиях» с природой. И не только увидел сам, но и с помощью слова донес это увиденное до нас, читателей, заставляя зрительно воспринять и пережить то же самое. Вот, к примеру, маленькая зарисовка-миниатюра, которая не вошла в эту книгу. «Мокрый снег с дождем шел всю ночь, а к утру небо вычистилось и ударил мороз. На камышах повисли гирлянды тоненьких льдинок, оставшихся от недотаявшего снега. Слабый ветер качал камыши, и льдинки, задевая друг за друга, издавали тихий мелодичный звон. Переливаясь в лучах солнца, они искрились хрустальным блеском…» Или вот еще одна: «…надвинулась тучка от земли до неба, и хлынул дождь, прямой, крупный. При ударе о воду дождинки выбивали белые, как олово, брызги, отчего вода вблизи казалась покрытой сплошным бисером прыгающих дробинок, которые вдали сливались в сплошную стеклянную сетку».

Особо нужно сказать о небольших повестях «Красный лис», «Белогрудый», «Длинноухий», входящих в сборник. В них Лев Емельянович с присущей ему художественной яркостью и доподлинным знанием биологии животных описал жизнь красного лиса, гуся и косулёнка, исходя из их восприятия окружающего мира и как бы незримо присутствуя рядом с ними во всех забавных и трагических приключениях, происходивших с этими зверями. Читаются эти повести с неотрывным интересом не только как подлинно приключенческие, но и как раскрывающие многие тайны природы, ее красоту. «Этот крик, далекий, едва уловимый, смахивающий на вой, красный лис услышал в самой середине чистой, прозрачной от снега и небесного излучения ночи и вскочил упруго и резко. Сладко и тревожно забилось звериное сердце, когда он во второй раз уловил легкое отрывистое тявканье с подвыванием. Нечто волнующее, теплое заполнило лиса и вырвалось наружу резким хрипловатым лаем. Пропала вся его осторожность. Ослепленный неудержимым порывом, ошалевший от каких-то новых, испепеляющих чувств, бежал зверь по снегу прямо на долетающие из глубокого пространства звуки. Музыкой непреодолимой силы звучала для лиса призывная песня самки, и никто не остановил бы его в безумном порыве стремительного бега. Разве что смерть. Но сумрачная ночная степь была пустой, гулкой, как хрупкий стеклянный сосуд огромных размеров, и все в ней пело голосом тоскующей лисицы, тоненько, с переливами, и ни единого постороннего

звука, мешающего тому пению, не проявлялось…» («Красный лис»).

В заключение следует сказать, что детство Льва Емельяновича выпало на военные и послевоенные годы, которые он провел в глухой сибирской деревне. Позднее окончил среднюю школу, техникум, служил в армии. После армии поступил в институт на специальность инженера-механика. Более двадцати лет проработал в научно-исследовательском институте. Много ездил по стране. По служебным делам и в охотничьих скитаниях побывал в разных краях. Писать художественную прозу начал рано, еще в школе, но первую книжку удалось издать лишь в 1965 году. Сейчас Лев Емельянович – автор семнадцати книг для взрослых и детей – романов, повестей, рассказов, сказок, очерков, публицистики, изданных в Москве и Омске. Член Союза писателей России. Он – лауреат литературной премии имени В. Я. Шишкова. Его книги были представлены на Международных книжных выставках в Пекине, Женеве, Дели, а сам он был в делегациях писателей, представляющих современную литературу России.

Творческие планы писателей часто держатся в тайне. Известно лишь одно: Лев Емельянович продолжает активно работать. Пожелаем же ему творческих успехов и новых интересных книг!

Юрий Перминов

Рассказы

Гроза

Глиняная крынка, обвязанная у горловины веревочной петлей, стояла подле моего друга, доверху, с бугорком, наполненная ядреной полевой клубникой. И мой старый эмалированный бидончик белел в траве неподалеку, выделяясь красной шапочкой ягод, набранных верхом. На широкой поляне, между двумя колками[1 - Колок – отдельно стоящий лес в поле или в степи.], не было никого, и мы вдвоем до отвала наедались сочной пряно-сладкой клубники, приминая мягкую траву вместе с ягодником.

С утра небо туманилось редкой белёсой пеленой. Тускло светило солнце. Тихая прохлада не давала подняться зною, и приятно было ползать по траве-мураве, собирая ягоды.

Мало-помалу небо тускнело. Бледным пятном проступало сквозь наползавшую пелену туч полуденное солнце. Из-за леса стал доноситься слабый глухой рокот.

– Дождь будет! – оглядывая потемневший лес и прислушиваясь к отдаленным раскатам грома, встревожился я. – Пошли домой!

С ношей бежать неудобно: того и гляди, споткнешься и высыпешь все, что набрал, потому мы и пошли шагом.

Гром нарастал. День темнел и темнел. Холодный ветер погнал по траве зеленые волны, взлохматил притихший лес. Гроза шла навстречу. В промежутках между лесами на короткое время открывались неохватные взглядом дали, и там темная, с седыми прожилками туча занавесила все небо от края до края, клубясь и наползая рваными краями на белесую деревню, за которой все почернело, будто обуглилось. С солнечной яркостью прошивали эту темень корявые жилки молний, и что-то с угрожающим грохотом перекатывалось поверху. Там, за деревней, мощно плыл дымчато-белый вал, закрывая собой все и сливая воедино землю и небо. Чувствуя, как оттуда, из этого угрожающего смешения черного и белого, потянуло холодом, запахом талой воды, я понял, что гроза идет с градом, и сказал другу:

– Давай прятаться: град будет…

Справа, на поляне, чуть склонившись набок, стояла одинокая кряжистая береза, и мы кинулись к ней. За могучим узловатым стволом дерева было тише и спокойнее. Толстые его сучья чуть подрагивали под хлесткими порывами ветра, а комель[2 - Комель – здесь: нижняя, утолщенная, прилегающая к корню часть дерева.] стоял как каменный. Мы прижались друг к другу, упираясь спинами в корявую кору дерева.

Чистый клочок неба над ближним лесом быстро закрывался наплывающей тучей. Я вспомнил не то разговор, не то прочитанное где-то, что нельзя прятаться от грозы под одиноким деревом, и забеспокоился. Наша береза хотя и казалась несокрушимой, но стояла отдельно от леса. Первые крупные капли дождя уже зашлепали по листьям, к тому же резко похолодало, и покидать надежное укрытие не хотелось.

– Бежим в кусты! – все же крикнул я и выскочил на потемневшую поляну.

В тальнике[3 - Тальни?к – заросли ивы, вербы.] мы почти упали на пахнущую перегноем подстилку из старых листьев, и тут грохнуло так, что земля дрогнула. Тяжелый и пугающий шум накрыл лес. Деревья затрепетали, будто хотели оторваться от земли. Очередной удар грома оглушил и прижал нас к траве. На лес обрушился водяной вал. Все скрылось от взора. Даже могучая береза на поляне, под которую мы вначале приткнулись, едва-едва проступала в этом сплошном потоке воды. Лишь ослепительные вспышки выхватывали из этого мрака очертания опушки леса и отдельные деревья. Грохот сотрясал воздух. Что-то холодное и увесистое ударило меня по голове вскользь, и я увидел градину с воронье яйцо. И тут застукало, засекло по веткам. Все пространство слилось в сплошную серую пелену.

Плотные тальниковые кусты с березовым подлеском все же спасали нас от прямых градин. Отсеченные листья мягко шлепались подле нас, сиротливо зеленея на фоне почерневшей лесной подстилки. Снова полыхнуло так, что глазам стало больно. Совсем близко на неуловимое по времени мгновение я увидел расщепляющуюся на две половины березу, объятую искрящейся золотой сеткой, и страшный грохот оглушил меня. Сунувшись под толстую талину, я закрыл глаза и замер, весь съежившись. Перед мысленным взором все еще светилась обвитая молнией развалившаяся береза…

Шум падающей воды начал удаляться. Перестали щелкать по веткам градины. Дождь пошел ровнее. Гром все еще гулял где-то близко, за лесом, еще сверкала

молния, но уже не так жутко.

Я приподнялся на локте и увидел поверженную березу, густо и пышно закрывавшую могучей вершиной часть поляны, броские разломы ее кряжистого ствола. Сила, срубившая одним ударом такую махину, не поддавалась осмыслению. Березу раскололо от макушки до комля. Красноватые по излому, с синим оттенком, ее части исходили паром и были уродливо завиты в жгуты. Вспомнилось, как дед скручивал для саней распаренные ивовые прутья. Почти так же страшная сила скрутила, изломала и оторвала от корней толстое, охвата в два, дерево.

Листья березы уже поникли, зеленовато-белесые, мокрые. С них струйками капала чистая дождевая водица. Удивительно пахло свежей зеленью и цветами…

Пока дошли до деревни, небо очистилось. Слабый рокот еще долетал до нас, вспыхивали над лесом зарницы, но было уже тепло и хрустально-прозрачно.

Первая рыбалка

Дед взял длинный шест и старое ведерко.

– Надо на озеро сходить, – сказал он, – верши[4 - Верша – рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев, в виде круглой корзины с воронкообразным отверстием.] проверить, а то живем у воды – и без рыбы…

Для меня это было радостью, новой возможностью знакомства с удивительными тайнами природы, и сразу особая легкость овладела всем телом.

Обогнув огород, мы вышли на задворки и двинулись лугом. Дед шел впереди, Кольша – мой юный дядя – за ним, я – сзади.

Далеко раскинулась приозерная степь в бескрайности лугового травостоя. Лишь с одной стороны ее ограничивал лес и рассекало глухое озеро.

Тропинка, по которой мы шли, постепенно исчезла. Пахнуло сыростью, тиной. Впереди зеркально заблестела вода.

Дед положил шест, поставил ведро и, закатав штаны до колен, полез в густой рогозник.

– За лодкой, – пояснил Кольша, – он ее прячет, чтобы кто-нибудь не угнал.

Таинственно шелестел камыш, заслоняя обзор. Куда ни взгляни – везде желтовато-зеленые стебли с узкими листьями. Лишь долгий проход с чистой водой раздвигал тростники, но и он терялся где-то за изгибом.

Лодка показалась внезапно – ее толкал дед.

– Садитесь, – позвал он нас.

Кольша запрыгнул первым и протянул мне руку. Дед, упираясь шестом, погнал лодку по проходу. Я сидел на самом ее носу, и передо мной тихо раздвигались тростники. Лодка скользила спокойно, и казалось, что я не плыву на ней, а парю среди всех этих зарослей над самой водой.

Скоро впереди открылось неохватное взорам пространство. Дух захватило от этого водного разлива, и зябко стало сидеть в узкой плоскодонке. Волны закачали ее, забаюкали, и всякий раз, когда она взлетала вверх, сжималось сердечко и я непроизвольно хватался за шершавый борт.

Далеко на воде чернели плавающие утки. Их стаи летали над озером туда-сюда. А чайки трепыхались вдали белыми лоскутьями.

Лодка остановилась у торчащего из воды колышка.

– Тяни, – кивнул дед Кольше, указывая на колышек и удерживая лодку на месте.

Кольша выдернул кол и потянул веревку, привязанную к нему. Показалась плетенная из лозняка ловушка. С трудом удерживая тяжелую сырую вершу, Кольша вынул травяной кляп из ее отверстия. Оттуда выскользнула золотистая рыбка, вторая, третья – и вдруг они часто-часто посыпались в лодку.

Я опешил от изумления, а караси кучно бились на дне лодки, разбрызгивая откуда-то просочившуюся воду. Одного, упавшего близко, я схватил за хвост и едва успел вдохнуть его терпкий запах, как карась трепыхнулся и выскользнул из рук за борт.

– Не дается рыбка? – Дед улыбался. – Ее надо за жабры брать. – Он взял за голову самого крупного карася и поднял. Чешуя заблестела на солнце позолотой. – Вот так!..

Положив в вершу хлебных объедков со стола, завязанных в тряпицу, Кольша воткнул травяной кляп на место и опустил снасть в воду. Ловушка бесшумно исчезла, вытолкнув наверх пузырьки воздуха.

Лодка скользнула в небольшой заливчик.

Вторая верша вывернулась у Кольши из рук в тот момент, когда он почти положил ее на поперечину лодки. От неожиданности Кольша опрокинулся и сел на борт. Лодка резко качнулась, черпанула воды. Дед не успел перекинуть шест на другую сторону, чтобы выправить плоскодонку, и мы стали погружаться в теплое озеро. В мгновение я увидел, как всплыли в лодке караси, судорожно забились, устремляясь в глубину, и, даже не успев вскрикнуть, тоже ушел в воду.

Сильный рывок выдернул меня назад. На миг я зажмурился от яркого света, а когда открыл глаза, то увидел Кольшину голову над водой и рядом деда.

– Утопил, раззява! – заворчал дед, удерживая меня в воде. – Руки как крюки! Ладно, что неглубоко, а если бы подальше?… Вылазь на камыш! – приказал он Кольше. – И этого туда прими.

Кольша полез на плотный залом камыша, настилая его под себя, и умостился там полусидя.

– Давай к нему! – Дед потянул меня по воде. – А то до берега далеко и убродно. Лодку поднимать придется.

Было тепло и солнечно, но я чувствовал легкий озноб. Цепляясь за толстые, как карандаши, камышовые стебли, я полез к Кольше. Вода потекла с меня холодными ручьями. Кое-как мы утвердились на той полузатопленной камышовой крепи.

Дед сошел с затонувшей лодки и погрузился в воду по плечи. Плоскодонка сразу же всплыла. Наклоняя ее на борт, он стал вытягивать лодку на примятый камыш, выливая из нее воду. Я видел, как ему тяжело, как надуваются жилы на трясущихся руках… Вскоре дед почти опрокинул лодку на бок и остаток воды выскреб черпаком. Переселив нас в нее, он подал Кольше шест:

– Держи равновесие! Буду с кормы подниматься.

С трудом, рискуя вновь зачерпнуть воды, дед влез в лодку…

Мокрые, без рыбы, мы вернулись домой, но с того времени острый запах свежих карасей запомнился мне навсегда, а в душе осталось непроходящее чувство робости перед широтой и таинственностью водно-тростниковой стихии озера.

Чужак

С того момента, как стало напекать солнышко и просохла роса, мы с Федюхой, запрятавшись в канаве, заросшей лопухом, наблюдали за рыжегрудой и черноголовой птичкой, таскающей куда-то под плетень целые пучки мелких насекомых. Ясно было, что кормит она птенцов, и нам хотелось дознаться, где это гнездо, поглядеть на желторотиков.

Подкрадываться к тому месту мы начали издали, в тот момент, когда птички не было. Но нас заметила другая, серенькая, и тоже с червячками, и тревожно «зачикала», словно камешками застучала друг о дружку: «Чик-чик, чик-чик…» Скорее всего, это была самочка рыжегрудого, и пришлось снова хитрить, возвращаться в исходное место и прятаться. Постепенно, передвигаясь в лопухах ближе и ближе, когда птички улетали за очередным кормом, мы очутились неподалеку от приметного места.

– Вон там, – зашептал Федюха, – где кол длинный, прямо под ним…

Раздвигая траву, я даже откачнулся, заметив крупную, чуть ли не с голубя, серо-пеструю птицу, сидевшую в травяной гущине, с розовым широко разинутым ртом и желтыми немигающими глазами. Она резко раз-другой метнула вверх голову с раскрытой пастью, и неприятный озноб плеснулся мне на спину.

– Тут какая-то птица, – показал я Федюхе находку, – наверно, голышат клюет.

Вместе мы стали рассматривать непонятного чужака. Тут и птички-хозяева появились, запорхали по плетню с кола на кол с тревожными криками: «Чик-чик-чик…»

– Ничего не пойму… – Федюха пучил глаза в растерянности. – Неужели они так его раскормили?

Я разглядел под оперением птицы валики травяного гнезда, а возле них – усохшие тушки голышат-птенцов.

– Не-е, Федя, птенчиков он вытолкнул из гнезда. Вон они, засохшие, лежат. Чужой это кто-то.

– Вот это нахлебник! – изумился друг. – И угрожает еще. Сейчас звездану палкой по башке – и каюк…

Я поглядел на тревожно летающих вокруг нас птичек.

– Не надо. Тут что-то не то. Пойдем у дедушки спросим.

И мы побежали, сверкая голыми пятками в высоком ржанце.

– Кукушонок там! – без особого интереса остановил наш горячий говор дед. – Кукушка-то гнезда не вьет, так ей в жизни положено, а яйца свои в чужие гнезда подкидывает. Паразит вроде, но, видно, и польза от нее какая-то есть. Иначе бы к чему ее создала природа… А птенца не трогайте: выкормлен…

На другой день наш чужак уже лепился, ерша перья, на заднем плетне огорода, и маленькие птички продолжали его кормить. Дня два-три мы видели там кукушонка, а после он исчез.

А в лесу все еще нет-нет да и можно было услышать грустное: «Ку-ку, ку-ку…» Может, кукушка звала своего подкидыша или просто по нему тосковала, кто знает?

Крылатый зверь

Широко расплеснулось соленое озеро за нашей деревней. Синь его воды сливалась с синевой неба, и в иные дни трудно было отличить их друг от друга. Крутые берега озера опускались к воде глинисто-песчаными отмелями, и на них с весны до осени копошились разнообразные кулики – от маленьких, с воробья, до крупных – с сороку.

Мы часто бегали по гребню береговых увалов[5 - Увал – возвышенность с пологими склонами.], спугивая их крикливые стайки и наблюдая, как они перелетают с одной отмели на другую, играя пестротой оперения в дружных разворотах. Особенно занимали нас своим необычным видом и громкими посвистами длинноногие, с острым клювом, загнутым кверху, шилоклювки. Белые, в черных пятнах, они нередко кружились совсем близко над нашими головами и даже пикировали на нас с резкими криками. Мы понимали, что где-то близко их гнезда, и даже из любопытства находили среди давних выбросов прибоя маленькие лунки с двумя парами желтоватых, с рябинкой, яиц, но никогда их не трогали.

Однажды мой друг Федюха разглядел в береговом откосе темное пятно какой-то норы и осторожно, чтобы не сорваться на грязь с немалого, в две избы высотой, обрыва, стал выдавливать в податливой почве ступеньки и спускаться к ней. Напрасно я пытался отговорить его от опасной затеи: нора была явно зверовая – вдруг волчье логово! Но Федюха продолжал приближаться к темнеющему

отверстию.

Я затаил дыхание, наблюдая. И вот он рядом, наклонился… Вскрик – и мой друг кувырком полетел по крутому склону к черноте прибрежного обвода. Из-за берегового гребня мне не видно было, как он шмякнулся в вонючую жижу. Лишь краем зрения я заметил большую, чуть ли не с гуся, черно-белую птицу, вылетевшую следом за Федюхой из норы, и заторопился в низинку, по которой мы обычно спускались к воде.

С головы до ног в грязи, хромающий, полусогнутый, с мученическим выражением лица предстал передо мною друг. Оно и понятно: сковырнуться с такой высоты! Хорошо, что ничего не повредил, – грязь смягчила падение.

– Заглянул я в темень норы, – рассказывал Федюха, когда отмылся озерной водой и отмяк от боли – ссадин-то было предостаточно, – а там зверюга какой-то серо-белый колотится и шипит, как несколько змей. Дернулся я назад и полетел…

– Не зверюга это был, а утка-пеганка. Про них как-то сосед-охотник рассказывал. В старых норах лис и барсуков эти птицы гнездятся. Вот и пугнула она тебя, чтобы не лез куда не надо.

Вспомнив, каким жалким был Федюха, выбравшись из няши[6 - Ня?ша – вязкая жидкая топь, топкое дно озера.], я рассмеялся.

Вертишейка

Издали я заметил у толстого пня округлую шляпку гриба, похожую на подрумяненную булочку, и заторопился. Что-то мелькнуло передо мной, и на том высоком березовом пне, у которого приютился гриб, появилась пестренькая, чуть больше воробья, птичка. Она вытянула шею и, заметив меня, куда-то юркнула. И хотя пень был высоким, я, не раздумывая, вывалил на лесной подстил набранные грибы, опрокинул ведерко вверх дном и влез на него.

В середине неохватного пня чернело дупло. Значит, птичка нырнула туда. Я хотел сунуть в дупло руку, но оттуда послышались настораживающие звуки. Наклонившись, я увидел в темном нутре дупла змею с открытой пастью. Она зашипела, завертела головой с глазами навыкате и потянулась наружу. Я откачнулся. Легкая дрожь испуга ознобила меня. «Как же так? Птичка оказалась змеей? Может, змея съела птичку? Тогда зачем птичка полезла в дупло?» Мысли эти пролетели мгновенно, пока я отклонялся от дупла. Подумалось, что надо найти палку и убить змею. Тут снова что-то трепыхнулось перед самым моим лицом, и опять я увидел улетающую в чащу серенькую птичку. Что за чудо? Поборов страх, я наклонился и глубоко в дупле разглядел несколько белых кругленьких яиц…

– Да это вертишейка, – сказал мне дедушка, когда я вернулся домой в деревню с полным ведром грибов. – Она так фокусничает, если кто-то угрожает гнезду. Вытянет шею, головой завертит, клюв откроет и шипит. Змея змеей… Так и отпугивает некоторых хищников. Иначе птахе не уберечь яйца. Да и самой несдобровать…

Вспомнив, как и меня окатил испуг, я улыбнулся, погасив обиду на хитрую вертишейку.

Птичник

Домашние кошки по своим ловчим склонностям бывают разные: одни предпочитают охотиться на мышей, другие – на крыс и кротов, третьи – на птичек, четвертые вообще универсальны, а пятые – лентяи и блудни… И особенно это заметно в деревне.

Был у нас здоровенный кот по кличке Агап – голова с большой кулак, глаза хитрющие с зеленцой, одно ухо наполовину отморожено, хвост полуободран. Казалось бы, такому котищу самое дело давить крыс и хомяков, а он нет – к птичкам пристрастился. Да так, что каждый день притаскивал в дом то воробушка, то скворчика, то трясогузку или мухоловку. Дед вначале, отбирая придушенных пташек, увещевал Агапа на словах, после раза два отвесил подзатыльников – бесполезно: кот продолжал ловить птичек. И уследить за ним было нелегко. Лишь по перышкам, оставленным где-нибудь в углу, у порога, да

по хитрой облизанной морде можно было догадаться об очередной крылатой жертве Агапа.

И дед придумал. Отняв как-то у кота воробушка, он слегка ощипал его еще теплую грудку, надрезал там кожу и заложил под нее немного горчицы. Замаскировав перьями тронутое место, дед отдал птичку Агапу. Тот и съел ее с жадностью в один прием. Что после этого было! Котище метался по дому с жуткими криками, переваляв все, что мог, а потом, как открыли двери, вынесся на улицу.

Дня три мы не видели Агапа и уже стали опасаться, что в общем-то неплохой наш кот вовсе потерялся. А он явился – крадучись, с оглядкой, притихший. И не стал Агап после этого ловить ни птичек, ни мышей, ни другую живность. Пришлось нам заводить еще одну кошку – мышатницу.

Глупыш

Утро было туманное, росное и холодное. Мы поеживались, сталкивая тяжелую деревянную лодку-плоскодонку на воду. И даже гребля не согрела.

Мы еще не доплыли до поставленных в озере сетей, когда увидели маленького птенца-пуховичка. Он громко тенькал, болтаясь у камышей на легких волнах. Был ли то птенец чайки или чомги, а возможно, лысухи – без специальных знаний не определить: в пуховом возрасте птенцы многих озерных птиц схожи и по величине, и по расцветке.

То ли потерялся писклёнок в зарослях камыша, то ли просто отстал от матери, или хищник какой переловил его семейство, но, заметив лодку, птенец-заблудыш устремился к ней с такой настойчивостью, что от его грудки потянулись валики слабеньких волн. Я попытался веслом оттеснить глупыша, боясь, что он, увязавшись за лодкой, и вовсе потеряется среди камышовых зарослей, а его еще может отыскать мать, если она не погибла.

Однако мои пугающие действия не остановили птенца. Он продолжал гнаться за лодкой и пищать.

– Замерз, поди, – предположил мой напарник по рыбалке, – на воде-то вон какой знобкий туман лежит. Возьми его отогреть…

Без боязни влез пуховичок на мою подставленную ладонь и тут же затих. Я почувствовал, как он дрожит всем маленьким тельцем, и сунул птенца за пазуху. Все время, пока мы выбирали из сетей рыбу, он, пригревшись, сидел там, не шевелясь. Теплый этот комочек я чувствовал животом и лишний раз старался его не тревожить.

Возвращаясь к берегу, мы высадили пуховичка на воду в том месте, где увидели в первый раз. Но он снова погнался за лодкой, громко попискивая. Пришлось налечь на весла вдвоем. Лодка быстро скрылась за камышовым мыском, но я еще некоторое время слышал отчаянное теньканье невесть как оказавшегося в одиночестве птенца. Брать его на берег – значит погубить, а так, возможно, он найдет своих сородичей или прибьется к какому-нибудь другому выводку и выживет.

Лиходейство

Шли мы глухим притаежным лесом к болоту за клюквой. За вершинами сосен румянилось небо: где-то всходило солнце. А внизу было сумеречно, прохладно, тихо… И вдруг послышался далекий протяжный крик, трудно передаваемый, жутковатый. Мы остановились и прислушались. Крик повторился: не то вой, не то плач. В тайге без ружья небезопасно, потому и у нас было одно ружье, у охотника, и мы из любопытства ли или из какого-то сострадания потянулись на эти загадочные звуки. Пока шли, озираясь, еще раза два холодил наши души этот зов. Так и крались мы по густому лесу гуськом: впереди – охотник с ружьем наготове, остальные – сзади. Когда тонкие вопли стали слышнее, охотник поднял руку и проговорил тихо:

– Кажется, медвежонок скулит. Что-то с ним случилось. Может, и медведица где-то близко…

И еще больше мы заозирались. А не вернуться ли? Но какая-то сила двигала нас дальше.

В густых мелочах подлеска заметалось шевеление, и на открытое место большим клубком выкатился медвежонок. Услышав или увидев нас, он кинулся за корягу, но тут же отлетел назад, в осинничек, будто кто его туда пнул.

– Он в петле! – с каким-то облегчением выкрикнул охотник.

И все увидели вышарканный до блеска о траву и деревца трос с карандаш толщиной.

– Браконьер на медведя ставил, а попал лончашок[7 - Лончашок, лончак – перегодовалое животное (чаще о волке или о медведе).], – все пояснял охотник. – Надо выручать малыша. – Он снял с себя куртку ветровку. – Попробую накрыть.

Подав кому-то ружье, охотник шагнул в гущину зарослей. Медвежонок тут же выскочил оттуда в разбеге на длину привязки, но трос, резко натянувшись, отбросил его назад. Заскулил, завыл лончак. Тут и навалился на него охотник, кинув вперед ветровку, и я поспешил ему на помощь. Медвежонок отчаянно вертелся, царапался, кусался, рычал и визжал, но все же мы его кое-как спеленали. Трос так сильно, до крови, врезался в его шею, что пришлось перекусывать его плоскогубцами. Хорошо, что кто-то прихватил их из машины на случай возможного ремонта скребков, которыми берут клюкву. Освобожденный от варварской петли, звереныш так рванул в глубину урмана[8 - Урман – густой дикий лес, тайга.], что мы и опомниться не успели, как он исчез.

Найдет ли спасенный от смерти медвежонок свою мать? Если не найдет, то вряд ли уцелеет: навыков выживания в диком лесу у него еще недостаточно. Да и зверье в тайге свирепое: росомахи, волки, рыси, взрослые медведи-самцы… Возможно, его мать где-то неподалеку бродила, а услышав людей, затаилась? Или тот же браконьер, что поставил на тропе петлю, застрелил медведицу? Хотя браконьер – это не только лиходей, но еще и трус. Один на один идти на медведя он вряд ли решится. Так, исподтишка, пакостить они горазды…

Во всяком случае, мы шли за клюквой с чувством содеянного добра и осветленной душой.

Хитрая ондатра

Холодным осенним днем мы приехали рыбачить на большое камышистое озеро. Оставив машину у кромки тростников, под разлапистой ракитой, мы собрали лодки и, сломав забереги[9 - Заберег – полоса прибрежного льда.] из тонкого льда, уплыли на дальний плёс[10 - Плёс, плёсо – чистая, незаросшая, открытая часть озера.]. Рыба клевала споро, и мы даже выплывать не стали, пообедали в лодках тем, что захватили с собой, и согрелись чаем из термосов.

Ближе к вечеру похолодало сильнее. От воды потянулся парок, и решено было кончать рыбалку. Да и улов у всех был немалый.

Выбравшись на берег, мы перво-наперво кинулись заводить автомобиль, чтобы согреться в его уютном салоне. На капоте валялись какие-то ветки, стебли камыша, трава. Но никто из нас не обратил на это особого внимания. Все подумали, что это ветром накидало мусора, хотя было тихо. Обмахнув капот, водитель открыл моторный отсек, и мы все обомлели: в правой его части возвышалось огромное травяное гнездо, а в середине его сидела рыжеватая ондатра. Она со злом глядела на нас черными глазками и ничуть не смущалась, что ее обнаружили. Приятель замахнулся на зверька голицей[11 - Голи?ца – кожаная рукавица без подкладки.]. Но ондатра, изловчившись, цапнула острыми резцами за ее край. Было ясно, что она, так уютно устроившись возле теплого двигателя, будет яростно защищать свое новое гнездо, которое соорудила, пока мы ловили рыбу. Вероятно, выбравшись из застывших камышей по своим надобностям, ондатра уловила тепло, исходящее от недавно работающего двигателя, проникла снизу под капот и целый день таскала туда ветки, тростник, траву. Это она намусорила на капоте, а не ветер. Даже неприятные запахи ее не остановили.

Жалко было зверька, его хлопот, но что поделаешь – пришлось выгонять трудягу. Далось нам это непросто: долго отстаивала ондатра свой травяной домик, пока мы не накрыли ее пустым мешком и не вынесли в камыши, где и выпустили.

Зимняя деревня

Темень да мороз. Бледные звезды и Млечный Путь. Тишина. За деревней резвятся зайцы, подбираются к огородам, к сену, чутко вскидывают уши. Тут как тут и рыжая лиса крадется, и снежок не хрустнет под ее осторожными шажками. Зазевались косые – и заплакал один длинноухий, забился в зубах у хищницы. Остальные стрельнули к лесу, по кустам…

Опять тихо. Иней окутывает ветки. Потрескивают деревья от мороза. У самого горизонта висит красно-медная луна…

А деревня давно не спит. Но нет огней, нет ярко освещенных окон. Подойди к дому – и звука не услышишь. Может, только из хлева[12 - Хлев – помещение для домашнего скота.] донесется жестяной звон да тихий женский говор: то хозяйка корову доит.

В окна каждой избы бьются отсветы пламени – топятся печи. Нет-нет да и загородит их чья-то торопливая тень: готовится еда…

А луна уже спряталась за лес. Восток побледнел. Ушли на лёжку зайцы, зарылись в снега. Лисица спряталась под валежник, свернулась клубком и дремлет, лишь кончик ее носа беспрерывно шевелится да уши поворачиваются из стороны в сторону. Огненная шубка заиндевела, схватилась инеем – ни дать ни взять маскхалат.

На деревья, сбивая куржак[13 - Куржак – изморозь, иней.], усаживаются тетерева, жадно клюют почки. Некогда рассиживаться: мороз, лапки мерзнут. Скорее набить зоб да опять в снег, в защитную лунку.

Прошли в густые запорошенные бурьяны серые разбойники волки. Прошли не торопясь, гуськом. Ночью они залезли в одну овчарню[14 - Овчарня – овечий хлев или загон, стойло.] и славно попировали. Теперь спать – переваривать пищу.

Болтуньи сороки, стрекоча, собираются кучкой и летят к деревне. Самая пора, когда хозяйки выносят отбросы на помойку, нужно и им позавтракать.

А деревня уже видна издали. Припорошенные черные домики, сараи, хлева… Из труб тонкие струйки дыма столбом поднимаются вверх – будет вёдро[15 - Вёдро – ясная, солнечная, сухая погода.]. Скрипят колодезные журавли, кричат гуси, блеют овцы…

Показалось из-за леса солнышко – вспыхнули золотом стекла окон, покраснели припорошенные снегом крыши. Вокруг солнца яркий венец – будет мороз.

День разгорается все веселее. Даже воробьи оживились, повылазили из-под застрех[16 - Застреха – нижний, нависающий край крыши у избы, сарая и т. д.] и труб, сидят рядышком на жердочке, нахохлившись, черные, измазанные сажей. Зима загонит и в трубу, в сажу…

Вылез из сена мохнатый пес, потянулся, позевывая, подошел к овцам, сунул морду в колоду, но получил удар в бок, взвизгнул, отошел, присел на снег, облизнулся и стал смотреть на кухонное окно. Шерсть на нем быстро заиндевела. Хозяйка вынесла псу чугунок со вчерашними щами. Он торопливо, давясь, поел и, не облизываясь, побежал снова спать в сено: холодно-холодно…

А в доме вкусно пахнет, на столе густые щи с тонким парком, чашка с горкой блинов… Хозяйка кладет ложки, расталкивает заспавшихся ребятишек. Серая кошка трется у ее ног, просит молока.

Ребятишки промывают глаза. Входит хозяин, снимает шубу, неторопливо обрывает с бороды сосульки…

Загляни в окно любого дома, и сквозь сетку узора на стеклах увидишь сосредоточенные лица – люди заняты едой.

Солнце пошло в обход, таится – низко висит над лесом и, грустное, неласковое, греть не осиливает.

Теперь огородами и помойками завладели сороки и воробьи. Скорее насытиться и спрятаться от лютой стужи. Торопиться нужно, а то все замерзнет, и того, что есть, не достанется: схватит мороз – тогда не очень-то возьмешь клювом. Все кормятся у человека, и человек греет всех.

Бежит и бежит день. Тишина. Разве что какой-нибудь мальчишка без разрешения матери высунет нос на холод, да и то ненадолго – снова на печь, забавляться с котятами…

Зима, мороз, стужа…

Чарым

Почти месяц небо густело весенней синью, а тепла не было. В теневых местах и там, куда солнце не добиралось, снег становился зернисто-сыпучим, а на припёках он медленно плавился. В долгие ослепительные дни тяжелели и уплотнялись сугробы, а ночами наплывал из лесных дебрей стойкий холод и заново схватывал снег, образуя корку – чарым…

Свет только-только размыл черноту над домами, когда Денис с отцом закончили хлопоты по хозяйству. Смахивая со лба пот, отец прикрыл рукой поясницу и с трудом разогнулся.

– Опять в спину стреляет, – пожаловался он, – а время горячее: чарым – копытным беда. Бери-ка ты снегоход и прокатись с Костей или Андреем по нашему участку, погляди, что к чему. Оружие не трогай: охота закрыта, а лишние разговоры нам не нужны. Захвати переговорник. Я буду спину лечить, отлеживаться, если что – выходи на связь. Да поосторожней там…

Последних напутствий отца Денис уже не слышал, торопясь под навес, к снегоходу. Объехать за отца-егеря[17 - Е?герь – работник охотничьего хозяйства или заказника, в ведении которого находится охота и охрана угодий и обитающих в них животных.] охотничий участок для него радость: во-первых, сама по себе езда на снегоходе – удовольствие; во-вторых, в диком лесу всегда таится что-нибудь необычное.

Костя, деревенский друг, наверняка был чем-нибудь занят – его без дела не оставляли, а время не терпело: к середине дня солнце отпускало снег – не шибко раскатишься и на снегоходе, потому Денис и приткнулся к воротам соседей, у которых отдыхал на весенних каникулах Андрей, семиклассник из города. Еще лет пять назад, при первом приезде Андрея к родственникам, Денис с ним крепко сдружился, даже несколько раз ездил в город гостить.

Андрей собирался недолго. Еще не застегнув шубейку, он плюхнулся на сиденье сзади Дениса.

– Волки бегут по чарыму, как по полу. Они легкие, лапы у них широкие, – объяснял ему Денис коварство весеннего наста[18 - Наст – оледенелая корка на поверхности снега.]. – А козел или тем более лось ломают его копытами, режут ноги…

Трескучий выхлоп мотора расстрелял утреннюю тишину деревни, и через сугробы, накатанные зимой вдоль огородов, снегоход вынесся за околицу.

Лес, накрытый засиневшим небом, еще держал в себе ночные сумерки, легкие тени и тишину и сразу сузил пространство до небольшой просеки, по которой и покатил снегоход. Снег бился из-под его мягких гусениц фонтанами, веером рассыпаясь сзади, поднимал метельную завесу. Ребята, прячась за ветровое стекло, пытливо вглядывались в опушку леса, заснеженное пространство впереди и по сторонам.

Было тихо и пусто, словно в том диком лесу не водилось никакой живности. Но Денис знал точно, что это не так, – белки прятались в сосняках, а где они – там и соболюшка, и куница. В глухих чащах гоняли зайцев рыси, вот-вот мог подняться из зимней спячки медведь. А в ивняках и лиственном подлеске толклись, прячась от хищников и браконьеров, косули и лоси. Где-то чертили крыльями по снегу глухари, готовясь токовать…

Быстро светало, хотя небо и оставалось однотонным: было пасмурно. Далеко открылось широкое пространство. Снегоход вышел к редкому заболоченному лесу – согре. На березах, по его опушке, черными комками рассыпались кормящиеся тетерева. Денис знал эту стаю. Она постоянно держалась на болоте, вдоль просеки, разделявшей лес на кварталы.

Вдруг глубокие борозды взломали снежную целину поперек движения снегохода, и Денис притормозил машину, разглядывая следы.

– Вон кровь! – Андрей показал на одну из ямок.

– Волки гнали лося! Это он поранил ноги чарымом. И совсем недавно: помет вон еще не застыл. – Денис обернулся. – Надо торопиться: может, еще не зарезали.

– Мы же без ружья… – Андрей поежился.

– А снегоход на что?

Рокот мотора сотрясал воздух, и Андрею казалось, что от этой тряски пуржило вокруг снегохода, который, как лодка на крутой зыби, бился на неровностях снеговых заносов…

Обогнув долгий лесной выступ, друзья увидели на опушке бора с полдесятка волков, окруживших темную шевелящуюся глыбу.

– Вон они! – выкрикнул Денис, пересиливая шум встречного ветра. – В сугробы загнали!

На той же высокой скорости снегоход стал накатываться на зверей. Все, что происходило у самой кромки леса, разворачивалось с пугающей быстротой. Сутуловатый лось, по брюхо завязший в снегу, ногами и безрогой головой отбивался от наседавших на него волков. В резких прыжках похожие на овчарок звери успевали хватануть лося зубами и мгновенно увернуться в отскоке от его тяжелых копыт. Гул движка остановил хищников. Они скучились, забегали в беспокойстве и, поняв опасность, откатились от лося и на махах[19 - Мах – шаг животного при беге.] понеслись в сторону болота, обходя друг друга.

Денис гнулся к ветровому стеклу, почти до отказа выжимая рукоятку газа, крепко стискивая коленями седло снегохода. Андрей и вовсе прильнул к нему сзади, обеими руками держась за кольцо сиденья и сдавливая ногами мягкую спинку. Вихри снега, удары, тряска…

Юный егерь бывал в таких погонях, сидя на снегоходе позади отца, даже стрелял по волкам, когда не было времени меняться с отцом местами, сбивал выдохшихся в беге хищников тяжелым снегоходом, и потому ничуть не тревожился. Более того, азарт погони распалял его и без того горячую голову…

Ближе и ближе волки. Видно было их прижатые уши, темные загривки, вислые хвосты. Плотный снег почти не проваливался под тяжестью зверей, слегка выплескиваясь из-под их лап, и понятно было, почему волки не пошли в близкий спасительный лес: там, в рыхлом и глубоком снегу, они беспомощны. Эта интуитивная боязнь бросила зверье к болоту: по твердому насту можно убежать от любой опасности. Но не от машины: двадцать, десять шагов до хищников… Вперед вырвался крупный лобач темно-серого окраса, за ним потянулся более

мощный гривастый волк, а три светло-серых зверя махали ноздря в ноздрю, рядом…

Денис обернулся, пытаясь что-то сказать Андрею, и в этот момент страшный удар бросил снегоход в сторону. Руки у Андрея оторвались от кольца, которое до боли сжимали онемевшие пальцы, он кувыркнулся в воздухе, пролетел немного вперед и упал на что-то мягкое и живое. В нос ему шибануло тяжелым запахом разгоряченного зверя, мелькнула перед глазами оскаленная морда, лязгнули зубы, и холодная снежная темнота поглотила Андрея. Оглушенный ударом и падением, он секунд пять-семь лежал не двигаясь.

– Подъем! – Денис потянул друга за руку. – Ну и сальто! Прямо на хребет прибылому[20 - Прибылой (волк) – здесь: молодой, нынешнего приплода.]! Не ушибся?

Андрей встал, подвигался и понял, что, вылетев из седла, упал на близко бегущего зверя, который огрызнулся и мог цапнуть. От этих мыслей его передернуло.

– Валежина[21 - Валежина – сухое дерево, упавшее на землю.] под снегом оказалась. Об нее и саданулись. – Денис стал его отряхивать. – Если бы я за руль послабее держался, тоже бы улетел через стекло. На такой скорости и в самый горячий момент разве разглядишь, что под снегом.

Андрей помалкивал, оглядываясь по сторонам.

– Теперь волки в тальники ушли, не догоним, – по-своему понял его Денис. – Давай лося смотреть…

Снова тряска, снег, рокот мотора… Далеко над лесом небо поголубело, прорезалась позолота солнечного света: поднимался мягкий весенний день.

Издали ребята увидели, что лось все еще темнеет на том же месте, где его оставили волки. На малом ходу приблизились они к зверю на несколько шагов. Лось прижал уши, таращась на людей выпуклыми тоскливыми глазами, трясся всем телом. Его округлые бока тяжело вздымались и опадали. По холке и особенно по крупу зверя кровянились глубокие полосы ран. Сугроб с проломанным настом был весь испятнан сочной краснотой.

Денис вынул переговорник:

– «Первый», «первый», я «второй», ответь! – звонко зачастил он в микрофон.

– Что там у тебя? – быстро отозвался отец.

– Мы тут лосиху стельную[22 - Стельная – беременная самка копытных.] от волков отбили. Лежит в снегу, кровянит, сильно покусана. Что делать?

– До леса далеко?

– Рядом, через сугроб.

– Ломайте чарым чем можете. Она в лес, на мягкий снег, уйдет. Там ей держаться легче, и волки туда не сунутся…

Голоса людей испугали лосиху. Она медленно, пошатываясь, поднялась и попыталась выбраться из глубокого сугроба, но наст держал ее, как кромка льда утопающего.

Денис быстро спрятал переговорник и крутанул ручку газа, отъезжая от обессиленного зверя.

– Давай от леса заедем, – решил он, – будем наст ломать оттуда.

Они подъехали к толстой сосне и спрыгнули в снег. Он был мягким и сыпучим, обнес ребят по пояс.

– Лосю такой снег нипочем! – весело крикнул Денис. – У них вон какие высокие ноги…

С полчаса они корежили крепкий наст, потея и задыхаясь, где ногами, где тяжелым снегоходом, проделывая траншейку к спасительному лесу. И когда до лосихи осталось шагов десять-пятнадцать, прошлись на снегоходе почти у самой ее морды.

Словно поняв, что маленькие люди ей не враги, лосиха отчаянным прыжком сиганула в снежный проём, едва ребята отъехали от нее на некоторое расстояние. Минута – и зверь скрылся в глубине темного леса.

Отрадно было друзьям – не напрасно они бились за спасение лосихи: раны у нее неопасные, а значит, выживет столь нужный нашим лесам зверь да еще и приплод даст.

Ночник

– Вставай, сынок! – будил Дениса отец. – Мороз-ночник заковал все напрочь, надо выручать тетеревов…

Денис привык вставать сразу, не валяясь в постели, а тут еще отец со своей егерской тревогой, поэтому он стал быстро одеваться.

– В мелочах мороз вряд ли прижал снег накрепко, – объяснял отец свое беспокойство, – там снег зерновой, сыпучий, а вот по старым листвякам, вырубкам да меж кустов на болоте ветерком натянет стыни. Чарым становится что цемент, не пробить его птице.

Денис знал, что косачи на ночь в снег углубляются, проделывая ходы, спят там, а утром вылетают, разваливая потолок своих ночлежек. Но в крепкий мороз этот слой снега им не сломать.

– Лыжи возьмем, – отец ожидал Дениса уже одетый, – а то в лесу не везде чарым нас выдержит, валиться будем, как лоси.

– Так растаяло кругом, – не понял его Денис.

– До леса пешком пройдемся. Лыжи на плечи. И там, где согнало снег, без лыж обойдемся. Ну а если придется в тальники лезть или на вырубки, без лыж не сунешься, и как раз там всю зиму держались косачи…

Ветер рванул одежду, едва Денис вышел за ограду. Ядреный мороз ознобил лицо. Земля, свободная от снега, застучала под сапогами стылой твердью. За деревней, над бором, чернеющим вдоль реки, широко распахивалась заря. Привычные утренние звуки оживляли улицу.

Переулком, еще хранящим покатые сугробы снега вдоль изгородей и плетней, отец и сын спустились с косогора и сразу вышли на просеку, разделявшую бор на части. Снег лежал в лесу сплошняком, и они стали на лыжи. Хотя наст и был жестким, подбитые камусом[23 - Камус – выделанная шкурка с ног лося (от колена до копытного сустава). Используется таежными охотниками для подбивки лыж в целях предотвращения их обратного скольжения.] лыжи скользили по нему мягко и бесшумно.

В напряжении, в запарке пробежали они домашний бор и выкатились к заболоченному лесу с зарослями тальника. Вольготно гулял ветер над широким пространством, и сразу стало холоднее.

На поляне, под кряжистыми березами, зачернели овальные ямки, пробитые в снегу бессистемной россыпью. Отец наехал лыжей на первую из них, и тут же сбоку, прямо под его ногами, захлопала крыльями большая черная птица, разметывая куски ломкого наста. Миг – и косач круто взмыл вверх, скрываясь за деревьями. Денис тоже подкатил к ближней лунке, сунул в нее руку – пальцы наткнулись на перья, теплое тело птицы, которая яростно забилась в своем отвердевшем коконе, не в силах посунуться ни вперед, ни в сторону. Денис осторожно проломил ногой настовую крышу над ней, и серая тетерка с квохтаньем хлестанула крыльями по его руке, вырываясь вверх…

Добрый час бились спасатели, освобождая плененных морозом тетеревов, и вызволили из снега не менее полусотни птиц.

– Так и глухари пострадают, и рябчики, и куропатки, – посетовал Денис, когда они, развернув лыжи, двинулись к дальним хвойникам. – А где их найти?

– Да нет, сынок, глухари и рябчики в эту пору в ельниках обитают, – успокоил его отец. – Там, под лапником, и спать в затишке теплее, и прятаться надежнее. А куропатки по тальниковым крепям держатся: и еда – ивняковые почки, и ночевать под корневищами сподручно – никто не доберется. Ты же видел, что у них лапки опушённые? Им этот мороз нипочем. А у тетерь лапы голые. На березе

ночь не просидеть: просквозит напрочь. На земле, где протаяло, тоже шибко не согреешься и опасно: хищники всякие только вдоль проталин и шастают. Потому эти птицы и бьются в снегу до последнего – пока надежные места для укрытия не откроются.

– Разве всех их спасешь? – Денис, хотя и устал и дальний край болота его не манил, разделял отцовскую заботу.

– Сколь сможем, – не удручался егерь. – Все одно польза: вон мы сколько тетерок подняли, а ведь каждая из них выводок даст. На нашем участке они в основном в двух местах и сгруппировались. Сейчас проверим тот край – и домой. Соседи тоже постараются проехать по своему углу. Там егерь добросовестный – природу жалует. А иначе как? Такая беда по нашим местам редко, но бывает и много птицы губит.

Плавали в мутной синеве дали, высвечивался набиравший силу день, а Денис с отцом все осматривали потайные уголки заболоченного леса, выискивая попавших в беду тетеревов.

Волк

1

Июнь накатился мощно, с яркими зорями, жгучей жарой, душными ночами, погнал в рост травы, рассыпал цветы. Зной загонял все живое в укромные, теневые места, и тихо было в лесостепных просторах…

Понадобились ивовые прутья, и я налегке, с одним топором и веревкой, пошел в лес.

Запах тальников я услышал издали. Терпкий и острый, он глушил все другие запахи, и сразу потянуло сыростью – в низине блеснула вода. Найдя ивняки погуще, я стал рубить их молодые побеги и складывать на растянутую веревку. Мешали ошалелые комары, оводы, но кучка росла, тяжелела. Попробовав ее на вес в третий раз, я решил, что большего мне не унести, и скрутил прутья

веревкой. Недалеко, среди молодых берез и осин, виднелись небольшие бугры, заросшие бурьяном. Оттуда, пока я рубил ивняк, долетал пряный запах цветущей смородины. И заросли, и бугры манили своей таинственностью, и, взяв топор, я пошел туда, оставив вязку прутьев на поляне.

Раздвигая шелестящие стебли бурьянов, я забрел далеко и наткнулся на заброшенный колодец, до краев заполненный водой. Видно было уходящие в глубину венцы сруба, отраженные пятна облаков… Отвернувшись от грозного четырехугольного ока, я двинулся в гущу смородины. Одичавшая, она разрослась буйно и широко. Клейкие ее листья ароматно пахли. Я мял их пальцами и с удовольствием нюхал, продвигаясь в глубину зарослей.

И вдруг откуда-то потянуло вонью. Подумав, что где-то в кустах лежит падаль, я хотел повернуть назад, но, сделав три-четыре шага, увидел небольшую выбитую полянку. На другом ее краю, под плотным кустом, темнела нора, похожая на пологую яму. Я подошел к ней и наклонился, заглядывая в темноту. Из ямы шибануло такой вонью, что пришлось зажать нос. Я бы тут же и ушел, если бы не заметил подозрительное движение в норе. Что-то там мелькнуло, шевельнулось.

Меня охватила оторопь. Крепче сжав топор, я присел на корточки и увидел в черной глубине белесых щенят, сбившихся в кучу. «Откуда здесь щенята? – промелькнула мысль, а рука уже тянулась в нору. – Лисятки?…» Схватив за шиворот ближнего щенка, я вынул его на свет. Он не визжал, не рычал, не скулил, а лишь изгибался всем телом, пытаясь вывернуться. Сунув звереныша назад, я насчитал еще пять щенят.

Где-то хрустнула ветка, и мне показалось, что кто-то остановился сзади. Мгновенный страх прошил все тело, холодная дрожь током прокатилась от затылка по спине. Резко оглянувшись, я увидел в двух шагах от себя большую серую собаку. Взгляд ее блестевших настороженных глаз на миг встретился с моим взглядом. «Волк!» – взрывом вспыхнула страшная догадка, и я бессознательно, падая, перекатился за куст, выставив перед собою топор. Но небо надо мной не заслонилось зверем. Сквозь переплетения веток я увидел, как

волк сунулся в нору. Еще несколько раз как попало перекувырнувшись, царапая лицо и руки о ветки и бурьяны, я вскочил и, оглядываясь, кинулся прочь из плотных зарослей.

Лишь на полянке, увидев синее небо и залитые солнцем березы, я остановился, хватая ртом горячий воздух. Правая рука, сжимавшая топор, занемела, и я перекинул его в левую, поняв, что теперь волк на меня не бросится. Не спуская глаз с зарослей, я трусцой побежал к вязанке прутьев и шустро поднял ее. Оглядываясь, я, как мог, заспешил к деревне, и чем дальше оставались тальники, тем спокойнее становилось у меня на душе. Уже и не верилось, что волк был рядом. Не показалось ли?

– Вот те возьми, где устроились! – удивился дед, выслушав мой торопливый рассказ. – Под боком у деревни! Беги к заготовителю, а то волчица перетащит щенят в другое место…

Заготовитель взял новенькую одностволку, как он сказал – казенную, кинул в телегу топор, лопату и мешок и крикнул мне:

– Поедем! Быстрей!..

Он так гнал лошадь, что телега прыгала на кочках, подбрасывая меня, и даже думать было невозможно, не то что говорить. До ивняков мы доехали быстро, и заготовитель, привязав лошадь к березке, заторопился:

– Бери топор и лопату! Скорее!

Схватив ружье, он устремился к буграм: место это он знал не хуже меня, а то и лучше, и точно ориентировался. С непонятной тоской двигался я за ним, держа топор наготове.

Снова запахло звериным духом, падалью, и мы вышли к логову.

– Карауль! – приказал заготовитель и, сунув мне ружье, запустил лопату в черное отверстие норы.

Раздались какие-то звуки, не то визг, не то урчание. Он нагнулся, вытянул за лапы одного волчонка и ударил головой о лопату.

Темнота полыхнула перед глазами, колючий озноб прошел по спине, а пока я приходил в себя, заготовитель и второго волчонка убил таким же способом. Наполовину скрывшись в норе, он шарился там, я же, потрясенный злой жестокостью, старался не глядеть на волчат с окровавленными головами.

– Ты же говорил – шесть, – вылез из норы заготовитель. – А где они?

Я молчал, не понимая его.

– Унесла, сука! Успела! – Отряхнув ладонь о колено, заготовитель вырвал у меня из рук мешок и покидал туда мертвых волчат. – Ну вот что, будем искать новое логово: перепрятала она их…

Но я плохо слушал его, глубоко сожалея, что рассказал про свою находку. Проанализировать непростые отношения человека с дикой природой я тогда не мог. Меня лишь терзала жалость к маленьким, так зверски убитым волчатам.

2

Печка раскалилась, низко гудела, бросая в дверку отсветы буйного пламени. Тепло, исходившее от ее жестяных боков, заполнило избу, согрело пол, стены, слизало с окон лед, приятно успокоило нахолодевшее за день тело. Я только что вернулся из очередного похода в лес и отогревался на большой печке.

– Вся эта твоя затея с капканами ненадежная, – говорил Стёпину дед. – Волка обхитрить трудно. Ты, поди, забыл, как с капканами заниматься?

Они сидели друг против друга на скамейке. Заготовитель появился сразу, едва я сбросил в ограде отяжелевшие лыжи. Он теперь сам приходил ко мне, едва заметив мое возвращение с промысла.

– Да нет, не забыл. – Стёпин рассматривал двух крупных колонков[24 - Колонок – хищный пушной зверек семейства куньих.], добытых мною в этот раз. – И вываривал, и полынью натирал, и все другое делал, как надо.

– Тогда, может, и попадут…

– Я к тебе с просьбой, Леонид, – поднял свой глаз на меня заготовитель. – Завтра собираюсь волчьи капканы проверить, а куда мне одному: одна рука – не две, и вижу плоховато – ни взять, ни пристрелить зверя.

Неприязнь к этому хитрому человеку так и осталась у меня в душе, лишь сглаживаясь и смягчаясь со временем, и помогать ему не было никакого желания.

Дед как понял меня:

– Ты же и ставить его приглашал, а сам управился и теперь обойдешься, – оговорил он Стёпина.

– Так ставить проще: я их прямо с саней маскировал. А на живого зверя одному опасно. Вдруг подфартило… – С какой-то иной, непривычной стороны открывался для меня заготовитель. – Так поможешь?

Стёпин сутулился, и мне стало его как-то жалко. Все же, несмотря на все обманы, заготовитель немало содействовал моему приобщению к охоте, кое-что подкидывал за пушнину, поддерживал. И я согласился.

… Пока ехали по торной дороге, лошадь шла ходко, хотя частые раскаты и мешали ей держать ровный шаг. Низко стояли тучи, закрывая солнце. Лишь в рваные промежутки между ними струился желтый свет, отчего небо было пестрым, как степь ранней весной. Пахло конским потом, соломой и сухим снегом. Тихо скрипели вязки саней, да изредка покашливал Стёпин.

Проехали свежие вырубки и уперлись в край большого заболоченного леса. Глубокие снега окружали нас.

– Отсюда идти придется, – встал с саней Стёпин. – Лошадь не утянет сани по таким заносам, да и напугаться может, если что. Привада-то вон за тальниками, триста сажен[25 - Сажень – старинная русская мера длины, равная 2,1336 м.] отсюда. – Он кинул коню охапку сена, взял с саней топор и веревку. – Ты надевай лыжи, будешь дорогу торить[26 - Тори?ть – прокладывать дорогу.]. Я – за тобой:

всё легче, чем по целине лезть… Откуда-то взялась сорока, застрекотала, к ней подлетела еще одна.

– Вот они, уже услышали, на доклад прилетели! – Стёпин поправил одежду. – Ну, пошли…

Я взял на плечо ружье, нацепил на валенки лыжи и двинулся в том направлении, куда показал заготовитель. Снег был рыхлым, и за мной оставалась широкая борозда, по которой шел Стёпин. Вначале я убежал от него, но скоро выдохся, упрел и остановился. Спокойно и безмолвно дремал заснеженный лес: ни звука, ни движения.

– Куда попер, как паровоз! – тяжело дыша, серчал Стёпин. – Глянь там, под березой, ничего не видно?

На поляне возвышалась могучая, несколько отстоящая от опушки леса береза. Я шел и не обращал на нее особого внимания – береза как береза, таких немало встречалось в нашем лесу. Но тут обомлел от неожиданности: недалеко от нее метался большой серый зверь, поднимая снежную пыль. Он как из-под земли появился, возникнув внезапно. Минуту назад там никого не было. Не мог же я не заметить волка! Скорее всего, зверь таился до определенного момента, а потом вскочил. Он то вскидывался над снегом, то падал, скрываясь в нем.

– Что, попался? – понял по выражению моего лица Стёпин. – Не стреляй, не кровянь шкуру, я его дрючком пришибу!

До волка было еще далеко, и стрелять я не собирался.

– Раз попал, то не вырвется, – с каким-то злорадством выговаривался заготовитель, надрубая нетолстую березку. – Сейчас я его батожком[27 - Батожок, батог – палка или толстый прут.] попотчую. – Он быстро очистил от сучков стволик березки и отрубил от него увесистую палку. – Пошли! Только ружье держи наготове. Ежели чего – стреляй!

Зверь давно нас увидел и в который уже раз попытался вырваться из страшной ловушки. Он бился в снегу, поднимая белые смерчи, и порой трудно было разглядеть положение его тела – так несуразно извивалось оно в этих диких прыжках.

– Рвись, рвись, разбойник! – разглядел волка и Стёпин. Он шагал твердо, держа палку наперевес. – Тяни свои жилы, ломай кости! Тебе конец…

Я шел рядом с ним и вздрагивал от каждого всплеска снега, от железного звона капкана с цепью, от клацанья волчьих зубов – и тонкий страх, и жалость, и печаль давили душу. До зверя было шагов пятнадцать, когда он перестал биться, поняв тщетность своих усилий. Я полностью разглядел крупного, чуть припавшего к земле зверя с взъерошенной шерстью, окровавленной пастью, со злыми блескучими глазами. Передняя и обе задние его лапы, зажатые капканами, красили снег лоскутами спущенной кожи. И выбитое до черной земли место, и алый снег, разбросанный по сторонам, и взлохмаченный суровый зверь являли жуткую картину. От нее сердце сжалось в дробном стуке и скулы свело.

– Возьми на прицел и стой! – крикнул Стёпин, медленно, шаг за шагом, продвигаясь к волку.

Залетали вокруг сороки, тревожно вереща. И чем ближе подходил Стёпин к зверю, тем сильнее и злее загорались у того глаза, вставала на загривке шерсть и прижимались уши. Капканы, сцепившие лапы высокими дужками, не позволяли волку стоять, и он полулежал, но грозно, напряженно, и в любой миг мог рвануться, как разжатая пружина. Но Стёпин знал длину цепи, тяжесть березовых сутунков[28 - Сут?нок – толстое бревно, обрубок дерева.], за которые были привязаны капканы, и шел. Что было на душе у этого человека, зачем он рисковал? То ли врожденное чувство жестокости ослепило его, то ли возможность расправиться с сильным, но почти беззащитным зверем, то ли все вместе…

Волк все жег взглядом Стёпина, все вжимался в истоптанный снег. Мушка моего ружья плясала на сером его боку, и я боялся, что не успею выстрелить вовремя, да и опасно: можно зацепить Стёпина. Такого жуткого напряжения нервы мои не выдержали.

– Дядя Семен, не подходи! – заорал я.

И в этот момент зверь ринулся вперед, неизвестно каким образом оттолкнувшись сжатыми в капканах лапами. Он пролетел метра два, и цепи отбросили его назад. Волк упал почти навзничь и набок. Стёпин прыгнул к нему и взмахнул палкой. Куда пришелся тяжелый удар, я не разобрал. Только зверь вдруг снова взметнулся с воем, и человеческий крик скребанул по сердцу. Заготовитель кувыркнулся в снег, палка его отлетела в сторону, а волк стал рваться в жестокой ярости. Не поняв еще, что произошло, я выстрелил в это серое свирепое существо. Зверь упал, продолжая биться. Я перезарядил ружье и побежал к Стёпину. Он быстро-быстро отползал в сторону, пятная кровью снег.

Волк уже затихал, лежа на боку. В последний раз он поднял голову, взглянул на меня, как показалось, благодарно и опрокинулся, показывая светлое брюхо.

– Лошадь, лошадь дава-ай!.. – простонал Стёпин, пытаясь подняться. – Пол-зада отхватил, злодей!

Я увидел окровавленный подол его полушубка и кинулся к лыжам.

С трудом подогнав дрожащего от страха коня к поляне, я помог Стёпину влезть в сани, и мерин рванулся назад, будто за ним погнались живые волки.

В деревне выяснилось, что у заготовителя оторван изрядный кусок ягодицы, и его увезли в райцентр, в больницу.

… Лежа дома на печке, я вновь и вновь воссоздавал в памяти картину волчьего конца, почти все переживая заново, хотя и без жуткой остроты, и окончательно утвердился в мыслях, что в природе все много-много сложнее, чем кажется на первый взгляд, что жить в ней нужно осторожно, без зла и жестокости, с пытливым умом и добрым сердцем…

* * *

Не счесть проведенных с тех пор охот, давших мне духовную стойкость, здоровье, творческую энергию и много-много счастливых моментов, и я благодарен тому тайному зову, который возник в моей душе в далеком-предалеком детстве.

На промысле

Охотник проснулся без будильника, как всегда, по привычке – рано. За маленьким единственным окном зимовья[29 - Зимовье – здесь: место зимовки охотников, охотничья избушка.] еще не было и намека на утро. Плотная темнота стояла за двойными рамами окна, между которыми желтел мох с кисточками кроваво-красных ягод калины. Мороз обметал края стекол льдистым синеватым налетом, проникнув даже в зимовье. Охотник почувствовал это босыми ногами, высунув их из-под одеяла. Загруженная с вечера корявыми пеньками железная печка остыла, но некоторое тепло от тех сгоревших за ночь чурбаков еще осталось. Ладно срубленное из просушенной сосны, поставленное на мох, зимовье как бы хранило запас летнего тепла, и стены его никогда не были холодными.

Внизу, под нарами, уловив легкое движение хозяина и угадав по каким-то им известным признакам, что он проснулся, позевывали собаки.

Охотник поднялся, посмотрел на ходики, ритмично чакающие в тишине, и стал одеваться. На колышках висели просушившиеся бродни[30 - Бродни – обувь охотников, сапоги с высокими голенищами (для хождения по болоту, воде, глубокому снегу и т. п.).]. Он надел их на плотный носок и прямо в свитере, прихватив лишь шапку, толкнул наружную дверь. За небольшой, короткой пристройкой в виде маленьких сеней открылся выход. Матово забелел за ним снег. Чувствуя охвативший его мороз, охотник нырнул за угол зимовья. Высоко и остро стояли вокруг темные деревья, опыленные недавним снегом. В промежутках между ними мерцали блестки звезд, чернели лоскутки неба. Тишина давила на уши и тревожила, поднимая какие-то неосознанные чувства. Набрав из поленницы сухих дров, охотник вернулся в зимовье.

Печурка разгорелась быстро, весело заиграла огненными бликами на грубом полу из горбылей[31 - Горбы?ль – доска, выпиленная из края дерева, с корой.]. Охотник поставил на нее чайник и кастрюлю с остатками вечерней еды. Под столом, на полке, стоял омедненный таз с мешаниной из овсяной крупы и рубленых беличьих тушек. Охотник вытянул его и позвал собак. Не торопясь, с достоинством подошли к еде четыре крупные лайки, стали спокойно есть, не стараясь опережать друг друга. Хозяин даже не следил за ними: он знал, что у собак всегда порядок – ни одна из них не посмеет жить за счет другой, не будет стараться урвать для себя кусок побольше и послаще. Так они воспитаны.

За окном все темнела ночь, гулял мороз и висела беспробудная тишина. Неторопливо и основательно позавтракав, охотник стал готовить задел на ужин: намыл лосятины, начистил картошки, лука… Не забыл про варево и для собак. Все это он залил водой.

Окно зимовья чуть-чуть посветлело. С неохотой, со злом уходила морозная ночь из урманов. Теперь охотник начал готовиться в дорогу: проверил карабин, патроны, снаряжение, положил в заплечный мешок-понягу[32 - Мешок-поня?га – деревянная заспинная дощечка с двумя лямками и несколькими парами ремней для привязывания груза, заплечный мешок.] еду и небольшой термос с горячим чаем, котелок… Не забыл он проверить и лыжи – основное средство передвижения в малоснежье. Это позже, когда в леса набьет сугробы и собаки не смогут бегать, снарядит охотник свой мото-снегоход – новую технику в промысле – и перейдет на добычу ловушками, а пока лучше лыж, подбитых камусом, ничего еще не придумали.

Подперев двери батожком, охотник вышел на утрамбованную возле зимовья площадку. Над тайгой повис свет, как бы раздумывая, опускаться ему в эти холодные заснеженные леса или нет. Там, наверху, возможно, и гулял ветер, а понизу стылый воздух был неподвижным, стерильно-чистым, остро-холодным, и тишина чутко сторожила укутанные снегом деревья.

Собаки ждали охотника, расположившись полукругом, и, когда он двинул лыжи по снегу, азартно устремились вперед.

Леса, леса и леса… На добрую сотню верст[33 - Верста – старинная русская мера длины, равная 1,067 км. Здесь в значении «далеко».] в округе не только без человеческого жилья, но и без единой человеческой души. Жуть берет от одних мыслей об этом…

Долго и упорно шел охотник через пихтачи[34 - Пихтачи? – заросли пихты, пихтовый лес.], пока одна из собак не подала голос. К ней устремились и все остальные, и тишина отступила, зазвенела собачьим лаем. Охотник снял с плеча карабин и заторопился на призыв своих верных помощников. Белку он заметил высоко, но маленькая пулька достала ее и там.

Солнце обметало краснотой макушки леса, небо поголубело, мороз подобрел – вверху потек короткий зимний день, а внизу, в сплошном хаосе заснеженных сучьев и валежника, еще прятались сумеречные тени.

Снова залаяли собаки, и снова бег до захлеба в морозном воздухе, до пожара в груди и ломоты в висках, притом глаз да глаз нужен, ловкая осторожность: случись чего – и никто не поможет, даже собаки. И так – весь день, к тому же охотник не только идет по лесным крепям, но и читает тайгу, отмечая в ней все мало-мальские изменения. А если повезет, если собаки наткнутся на след соболя, и вовсе не до отдыха, не до сна, не до знакомых троп. Уведет хитрый зверек туда, куда сроду не забредешь из любопытства или из расчета на весомую удачу. И выложатся за ним и охотник, и собаки, и добро, если не напрасно, а то и впустую пройдет та запарка: соболь малейшую оплошность человека или собак чувствует и уйдет, только моргни.

Промысловая охота – занятие не для слабых, а для отчаянных, опытных, знающих природу трудяг, и нет в тайге людей, равных охотникам-промысловикам, как нет кого-либо выше профессионала в любом деле. И не каждый человек может стать промысловиком – особые данные нужны: выносливость, смелость, доброта… Да и тайга не примет любого: в ней не заиграешь, не забалуешь. И именно охотник-профессионал никогда не убьет ненужного ему зверя, птицу, никогда не напакостит в природе, потому что без нее он безработный, а без работы человек жить не может.

К ночи, в сумерках, усталый охотник увидел свое зимовье и обрадовался: его ждало тепло и сладкий отдых.

Опять кружком расселись усталые собаки на утоптанной площадке возле зимовья. Охотник с трудом, с темными всполохами в глазах, нагнулся, снял лыжи, обстукал их друг о дружку и сунулся в сени. Холод метнулся вместе с ним в зимовье, нырнул под нары. Нырнули туда, на сухое сено, и собаки. Чувствуя, как отходит задубелое на морозе лицо, охотник снял карабин, мешок-понягу и расправил плечи. Показалось, что вместе со всем этим он снял и сковывающую его усталость. Забить печку дровами – минутное дело, и скоро буйные огоньки замелькали в круглых дырочках дверки. Приготовленное варево – и себе, и собакам – охотник тут же поставил на железку. Окна задернулись непроглядной темнотой, и хозяин зажег лампу. Весь запас продуктов и вещей он забросил в зимовье еще с осени, по чернотропу, часть вертолетом, а часть на лошади. Ведь жить ему в тайге не месяц и не два, а почти четыре, с редким выходом к людям.

Пока нагревалась печь, устаивалось тепло, охотник почистил карабин, расправил на пяльцах[35 - Пя?льцы – здесь: приспособление для сушки шкурок пушных зверей.] добытые шкурки. Зверьков промысловик обрабатывал сразу в тайге, на месте, пока были теплыми. Они хотя и небольшие, а лишнюю тяжесть таскать ни к чему. Да и легче так их обеливать[36 - Обели?ть – снять шкуру со зверька (спец.).], качественнее, и собакам поддержка – тушки. На них еды не наносишься: в адском движении по чащобам и лишняя иголка в тягость.

С теплом пришли вкусные запахи еды. Ох как хочется в это время есть охотнику! Но всему свой черед: сперва надо накормить собак – верных помощников и друзей-защитников. С ними охотник не только делит все, но и разговаривает, и собаки по интонации голоса, выражению глаз, мимике, жестам понимают хозяина, а уж он их – тем более.

– Кто у нас сегодня отличился? – спрашивает охотник, намешав в тазе варево.

И к тазу подойдет только та собака, которая по общему признанию всех остальных и хозяина заслужила первенство в дневном промысле. И собаки, и охотник о том знают точно. Тут не схитришь. И лучшая на прошедший день собака ест из тазика одна, как говорят, до отвала. Ест и уходит под нары.

– Кто еще у нас здорово поработал? – снова спрашивает охотник.

Переглядывание, топтание на месте, и тогда хозяин, видя их замешательство, называет имя достойной. И она ест одна и досыта. А уж после подходят к тазу с

едой остальные.

Садится за стол и охотник, ест спокойно, неторопливо, умеренно. Часть еды он оставляет на утро.

Ночь за окном густеет до земляной черноты. Даже ближних деревьев не видно. Пора на отдых. Раным-рано снова вставать, снова повторять привычное. Одно в этом деле неповторимо – сам промысел. Каков он будет на следующий день? Что ждет охотника в глухих таежных лесах? А не блеснет ли удивительной шубкой соболь? Ко всему надо быть готовым, даже к ночевке в тайге, на снегу, у костра.

Спят собаки, развалившись, кто пластом, кто на спине, дергаются, взвизгивают во сне. Гасит лампу охотник и лезет на нары, на мягкую постель. Он один на огромную округу. Но с ним верные помощники – собаки, без которых человеку в тайге не прожить.

Ночь течет за окном. Ходики отсчитывают время.

Особое мнение

Нодья[37 - Нодья? – долго и сильно горящий костер охотников в лесу на ночлегах.] горела ровно и тихо. Видно было, как от ее тепла медленно оседал снег на бровке ямы и парил сырой мох. Пахло листьями и багульником…

Кольша чувствовал это тепло, лежа в спальнике, на хвое. В таком же спальнике, ногами к его ногам, устроился отец, а где-то рядом свернулся калачом Буян – зверовой пес-лайка.

Сон захлестывал сознание, но, когда один бок припекало, юный охотник переворачивался и подставлял костру нахолодевшую сторону. Первый раз отец взял его на зверовую охоту, первый раз доверил ружье с пулевыми патронами, нужные охотничьи принадлежности. Это и радовало Кольшу, и тревожило…

Из года в год, сколько он себя помнил, отец, едва устаивалась зима, уходил в лес на промысел лосятины и всегда возвращался с добычей. Еще в третьем или

четвертом классе Кольша заикнулся отцу о браконьерстве и едва не схлопотал оплеуху.

– Тебя кормят, одевают и обувают – и молчи! – со злом выкрикнул отец. – Молоко на губах обсохнет, жизнь пожует – тогда и будешь давать советы родителю. И запомни: зверю все равно – с лицензией его хлопнут или без нее…

С тех пор Кольша в отцовские дела не совался. Да и в глухой их деревеньке, затерянной среди заболоченных лесов, все промышляли лосей без лицензий. Шло это испокон веку и считалось делом обычным. Вероятно, и деревня их выросла из удальцов охотников, забравшихся на поселение в такие дебри, где зимой по уши снегу, а летом не продохнуть от гнуса[38 - Гнус – летающие кровососущие насекомые (комары, мошки, слепни и т. п.).], где и хлеба негде сеять, и с сеном шибко не разбежишься. И если раньше деревня еще кое-как и кое-чем жила, мало-мальски держалась, то накатившиеся перемены и это малое смяли, лишь худосочные огороды да почти пустые леса-согры остались последними источниками пропитания в диком их крае…

Охотники вышли из дому в самый сон-час, во второй половине ночи, почти под утро, и шли задворками, вдоль изгородей, прячась от случайного глаза: время помяло и людей – доносчики в деревне завелись, завистники. Потом часа полтора они колесили по едва проторенным в снегу проселкам и только после этого стали на лыжи. Рассвет встретили в далеких глухих соградах – заболоченных, густо заросших кустарником лесах.

Кольша шел сзади, по готовому следу. Широкие лыжи, подбитые камусом, скользили легко, но на спине висел рюкзак со спальником и едой и ощутимо давил на плечи, и ружье добавляло весу. Был рюкзак и у отца, еще тяжелее, но отец держался в силе, а Кольша в свои четырнадцать лет эту силу еще не набрал.

Лыжню охотники торили или в лесу, напрямую, или вдоль опушки, под деревьями, чтобы сверху ее не было видно, – вдруг инспекция на вертолете появится! И Кольше казалось, что конца и краю не будет этому выматывающему движению. Лишь к середине дня охотники наткнулись на свежие лосиные следы.

– Бык, корова и теленок! – словно выдохнул отец, осмотрев взрыхленный копытами снег. – Как раз то, что надо, – быка я городским отдам за бензопилу, корову – себе на пропитание, а телка по родне раздадим…

– Их еще взять надо. – Кольша сутулился, подражая отцу, говорил неторопливо.

– Это оформим лучшим образом. – Отец, обычно строгий и угрюмый, едва заметно улыбнулся. – Ты только делай все так, как я скажу, а от нашего Буяна еще ни один зверь не уходил…

Весь день, не отпуская собаку с поводка, чтобы до поры до времени не угнать зверей в недоступные дебри, охотники пытались перехватить их накоротке, в удобном месте, обрезать, как говорят таежники. Однако звери двигались хотя и не пугливо, но ходко, и охотникам приходилось делать огромные круги, чтобы преждевременно не выдать себя чутким зверям.

На коротком привале охотники съели по куску холодного отварного мяса и запили его остывшим чаем.

Снега ослепительно белели. Таинственно мглились угрюмые согры. Ни ветра, ни какого-либо движения. Пустой лес и снег, снег…

К вечеру охотникам все же удалось обойти лосей. Когда, кольцом замкнув лыжню, они вышли друг другу навстречу, следов впереди не было.

– Всё, здесь они, в этой согре, и ночевать тут будут, – устало махнул рукой отец, снимая шапку. Пар шел от его густых слипшихся волос. – Давай искать для костра место, а то вот-вот стемнеет…

Невероятно тяжелым казался сам себе Кольша и едва держался на ногах, а когда рюкзак сполз с плеч, он едва не упал вперед – так занемели мышцы спины и ног.

Плотная еда и горячий чай из снеговой воды и вовсе начисто забрали остаток сил.

Юный охотник едва влез в спальный мешок, но еще долго шел по тихим пустым лесам, взрыхляя снег, долго ощущал лямки-удавки на плечах, холодный дух зимнего дня и острую жажду…

Кольше показалось, что он едва закрыл глаза, а отец уже толкал его в плечо:

– Вставай, пора! Разоспался, что лончак возле матки. Бок, поди, простудил левый.

– Не, я ворочался, – с трудом пошевелил языком Кольша – все сопротивлялось в нем пробуждению, предстоящей погоне за зверями.

Он стал потихоньку освобождаться от спальника, ощущая стойкий ночной холод.

– Надо успеть переход закрыть, – торопил его отец, – чтобы звери не ушли раньше нас…

Чуть-чуть посветлело небо, когда охотники, оставив у ночлега лишние вещи, тронулись в путь налегке: ружья да по десятку патронов, и всё.

Мороз жестко хватал за лицо, обжигал глотку. Только шустрый ход на лыжах согревал Кольшу.

– Сиди и сиди, – наказывал ему отец, когда они обогнули огромный лесной отъём, – как бы долго я ни блудил. Они обязательно на тебя выйдут: тут их переход. Бык сразу постарается увести Буяна в сторону – я его и достану. Выстрелы услышишь – приготовься: корова должна на перешеек двинуться. Подпусти ее поближе и бери спокойно. А как ляжет, не вставай и не выказывайся: телок не уйдет, если тебя не заметит. Бери и его, я подойду…

Кольша с некоторой тоской и тревогой слушал эти напутствия – легкая робость шевелила неустоявшийся охотничий дух, подкатывалась тонкая жалость к зверям.

– Может, теленка не брать? – Его ломкий голос дрогнул.

Отец обернулся:

– А у него без стариков шанса выжить нету: если охотники не возьмут голыми руками, так зверь какой придушит – волки или рысь. Или у тебя на этот счет особое мнение?

Кольша не нашелся что ответить и понял тщетность своей попытки подавить подступающую жалость: юный охотник уже знал, что расстаться с нею будет нелегко.

Отец исчез в сумеречном лесу, и стало до жуткого тихо. Сколько потребуется ему времени, чтобы обойти лосей и стронуть с места, Кольша не знал и даже головой тряхнул – так защемило сердце от одиночества и непонятной тоски. Он быстро нашел в патронташе пулевые патроны и зарядил ружье. Торопиться было некуда, и юный охотник медленно, сминая лыжами снег, не прямиком, а вдоль опушки двинулся к тому месту, на которое указал отец.

Небо над лесом однотонно серело. Привычные для глаза звезды на нем потухли, а леса все еще были наполнены пугающей чернотой. Трепетное безмолвие окружало Кольшу. Он знал, что до ближайшего жилья – их деревни – прямиком километров двадцать, а в других направлениях и того больше, и дух захватило от тех жгучих мыслей.

Светлой полосой открылась среди леса небольшая полянка, упиравшаяся в темные тальники. Вдоль нее стояли толстые и редкие березы, и возле одной из них Кольша остановился. Здесь же торчала из снега валежина, и он, сбросив лыжи, стал отаптывать подле нее снег, чтобы легче было двигаться, если придется стрелять.

Быстро проступали деревья в глубине леса, открывая пространство, – надвигался новый день. Но игра красок на небе никак не отражалась в лесу. Кольша присел на валежину и осмотрелся. Все вокруг стыло в какой-то нереальности, и возможная встреча с крупным зверем казалась обманчивой, а вся затея с охотой – безрадостной и ненужной. Он понимал, что отец старается для семьи, но некая досада не проходила, больше и больше беспокоила юного охотника, и он все прицеливался, топтался в мыслях вокруг да около этой охоты, не успокаиваясь…

А время шло. Несколько раз Кольша грел себя разминкой: прыгал в своей ямке-засидке, размахивал руками, но холод брал свое, и вставать с валежины с

каждым разом было все труднее и труднее. Мысли текли ленивее, тревога притуплялась. Коварный сон подкрадывался к охотнику. Сквозь дрему он услышал далекие выстрелы. Глухие их хлопки будто подбросили Кольшу. Он вскочил и как бы совсем другими глазами увидел и поляну, и лес, и клочки осветленного неба…

Приготовив ружье, Кольша спрятался за толстый, неохватный ствол березы и стал вглядываться в глубину согры. Ему показалось, что где-то далеко залаял Буян, а возможно, это так и было. Скосив глаза, охотник заметил, как в темных кустах что-то сдвинулось. Острым взглядом он различил горбатую спину лося и обмер, затих от непонятного страха. Миг – и на поляну вымахнули звери. Как и предполагал отец, это была лосиха с теленком. Длинноногие сутулые звери шли прямо на Кольшу. Все мысли и чувства у него растворились в чем-то непонятном, сработал какой-то инстинкт: не то охотничий, не то самосохранения – показалось, что лоси втопчут в снег не только его, но и стылую валежину.

Медленно и ровно поднял Кольша ружье – выстрел встряхнул все его напрягшееся тело. Лосиха вздыбилась, будто накололась на что-то, и стала оседать в снег. Теленок, отпрянув в сторону, замер. Он стоял совсем близко, и уложить лопоухого было нетрудно. Кольша быстро поменял патрон в ружье, но стрелять медлил: каким-то домашним показался ему лосенок в своей глупой беспомощности, и как-то невольно охотник чуть-чуть привстал.

Увидев человека, теленок нерешительно отбежал подальше, и тут явственно послышался лай Буяна: собака спешила на выстрел. Этот лай спугнул лосенка, погнал в спасительную чащобу. В один миг зверь скрылся в ближних кустах.

Кольша, вспомнив советы отца, прислонил ружье к дереву, вынул из чехла охотничий нож и шагнул к лосихе. Буян уже подавал голос где-то за кустами. Всего пять-семь шагов успел сделать охотник к лежащему в снегу зверю, как лосиха вдруг зашевелилась и медленно встала. Какую-то секунду глядели друг на друга зверь и юный человек. Кольша поймал дикий, убивающий волю взгляд, и неуемный страх моментально развернул его обратно. Зычно вскрикнув, охотник рванулся назад, к березе. Лосиха зафыркала за спиной, и Кольша, сжавшись в ожидании удара копытом, перепрыгнул валежину. Это препятствие задержало разъяренного зверя: тяжело раненная лосиха не смогла перемахнуть через валежину с ходу. Тут и Буян яростно вцепился ей в пах. Кольша увидел, как зависла тяжелая туша над его засидкой, и схватил ружье. Всего в нескольких шагах от него качался рассвирепевший зверь, пытаясь достать

безрогим лбом собаку. Охотник поднял ружье, но руки плохо его слушались: конец ствола ходил от темного бока лосихи вверх и вниз. Выстрел разметал снег возле морды зверя, но пуля прошла мимо. Кольша лихорадочно искал новый патрон, замирая от жути, и тут раз за разом прогремело два выстрела. Лосиха грузно рухнула на валежину, вдавив ее в снег и едва не задев отпрянувшую собаку.

За деревьями стоял отец.

Кольша обмяк и едва удержался на ногах.

– Смазал, что ли? – спокойно спросил отец, направляясь к нему. – Говорил же – подпускай поближе. А где телок?

Кольша махнул рукой на согру, не в силах ответить, – страх еще обнимал его.

– Добрался! – Отец пнул Буяна, облизывающего кровь с бока лосихи. – Пошли! – Он ходко задвигал лыжами вдоль следа лосенка и скоро скрылся за кустами.

Кольша все стоял, успокаиваясь, осознавая происшедшее. Взамен уходящего страха шевельнулась мысль о том, что лосенку от Буяна не уйти – зверь, а не собака. Но тревога эта начала быстро истаивать. Просветилась надежда на то, что теленок забьется в недоступные для охотника с собакой горелыши и уцелеет.

Поглядев на яркое солнце, ослепившее лес, Кольша принялся искать свой оброненный нож: добытого зверя надо было разделывать.

Наваждение

1

Все началось еще днем, когда Лешка, выпросив у отца ружье, бродил по лесу. По возрасту он пока не вышел в охотники, но отец потихоньку приобщал его к

этому, таская за собой по угодьям. И стрелять мало-мальски научился Лешка, и различать охотничьих птиц со зверями, и плавать на раскладной лодке, и ставить сети, и еще многому, что так необходимо в охоте. К самому процессу охоты – непосредственному убийству птиц и зверюшек – Лешка не горел, но любил поездки по незнакомым местам с таинственными лесами, синими росплесками озер, речками, полями; любил их реальную близость, ночевки у костра, разговоры, ожидания, суету…

Усталые охотники после проведенной в озере утренней зорьки и сытного обеда залегли в домике на отдых, а Лешка двинулся по ближайшему к охотничьей базе лесу. Выхлестанный дождями и продутый на разные лады ветром, осенний лес был гол, светел и тих, вороха отживших листьев рассыпались под ногами, не успев достаточно отсыреть и слежаться. Их жухлые пучки застряли даже в переплетениях веток, среди рогатулин и оснований сучков.

Лешка шел не спеша, далеко просматривая березняки, окружавшие небольшое озерко с плотными зарослями тальников и ракитника по берегам. Мягкое осеннее солнце притускло, и воздух в лесу не терял ночной свежести, был чист и прозрачен, настоян на лиственном тлене и запахе травяной отавы. На светлой почти круглой поляне громыхнул из-за куста угольно-черный косач, пошел к вершинам, к синеющей вышине. Лешка, оторопев на миг, долго провожал его взглядом, пока птица не исчезла в глубине леса. Опустив глаза, он вдруг заметил, как кто-то не очень большой, рогатый и серый метнулся в тень тальников. Лешке показалось, что он поймал блики кругло-желтых, горящих угольками глаз. В руках было ружье, но, припомнив, что в местных лесах таких невысоких животных с рогами не водится, Лешка оторопел. Он еще с полминуты стоял посреди поляны, вглядываясь в легкие тени от кустов и озираясь. Но было тихо, спокойно и грустно.

Взяв ружье на изготовку, Лешка прошел к тому месту, где пронырнуло необычное существо, но ни следов, ни малейшего намека на недавнее присутствие кого-то живого там не было. Он довольно далеко обошел в нескольких направлениях лес, но так никого и не увидел. Лешка стал убеждать себя в том, что это ему показалось, что тень сыграла в перенапряженных глазах, но в глубине сознания не соглашался сам с собой: мгновение, какую-то малую долю секунды, он все же видел непонятное существо. Ходить по лесу сразу расхотелось, и Лешка коротким путем вернулся на охотничью базу, прилепившуюся к открытому длинному озеру.

У ограды, на солнцепеке, ловили последнее тепло мохнатые беспородные псы егеря, валяясь на пожухлой траве, да пофыркивала лошадь, привязанная к столбу. Несколько маленьких домиков – на два-три человека – притулились на опушке леса, поблескивая одинокими квадратными окнами. Дни были рабочие, на охотничьей базе, кроме егеря с женой, живших там постоянно, да отпускников – Лешкиного отца с другом, – никого не было.

Посмотрев, что охотники еще отдыхают, похрапывая, Лешка поставил ружье в угол веранды и пошел к пристани.

Длинным трапом уходил через береговые камыши причал, дощатый, с перильцами и обширной площадкой для сходней. Добрая дюжина деревянных лодок приткнулась под эту площадку. Лешка постоял недолго, всматриваясь в тихую гладь озера, и прыгнул в одну из лодок. Упруго задвигались весла в чистой, уже остуженной ночными холодами воде, лодка мягко пошла от сходней.

Недалеко, в нескольких сотнях метров, стояла отцовская ряжевая[39 - Ря?жевая сеть – сеть с двойной делью (стенкой) (спец.).] сеть на карасей. Утром Лешка ее уже проверял. К ней он и направил лодку. Осветленная осенняя вода глубоко просматривалась, и сетевая дель[40 - Сетевая дель – нитяная часть сети (спец.).] была хорошо заметна. Лешка поймался за верхний поводок и стал тянуть сеть к себе. Искристо трепыхнулись в ней караси. Скользкие и холодные, отдающие особым рыбным запахом, тонким и приятным, они легко проскальзывали через ячеи. Лешка увлекся, ловко хватал рыбин за голову и стягивал с них тонкую леску. В носовом отсеке набралось с полведра карасей.

Вдруг ему показалось, что лодка как-то ловко ускользает в сторону, и, потеряв равновесие, Лешка вывалился из нее. Ноги пошли в недосягаемую глубину, и жгучая вода закрыла его с головой. Ужас сковал рыбака на короткий миг. Лешка несуразно дернулся, но сеть, захлестнувшая руки, не пускала, и, хлебнув воды в этих неловких, рожденных животным страхом движениях, он наткнулся где-то у дна на мох, и ему показалось, что и мох шевелится, опутывает тело.

Лешка хорошо плавал и сумел, работая ногами, вынырнуть, чтобы хватить воздуха, а когда вынырнул, то увидел зеленый берег, спящую базу, камыши, и этот покой как-то остудил его, вернул сознание в нормальные каналы, и, уходя снова под воду, Лешка раскрыл глаза.

Сеть держала его за отвороты рукавов, и, помогая себе зубами, рыбак сумел стянуть крепкие нити сначала с правой, а потом и с левой руки. Все это произошло и быстро, и небыстро. Лешка задыхался, захлебывался безвкусной озерной водой. Опять ему померещились живые скопления подводных мхов. Как ошпаренный вылетел он наружу и замахал руками, отплывая прочь от коварной сети.

До берега было не так уж близко, и доплыть до него Лешка вряд ли бы смог: вода стояла холодная, а промокшая одежда сковывала движения, тянула вниз. Лешка устремился к лодке, дрейфующей неподалеку. Тихая вода держала ее почти на месте, не было даже намека на волны. Заплыв с кормы, Лешка со второй попытки сумел ввалиться в лодку и быстро схватил весла. Ему все казалось, что не он, слишком увлекшись карасями, перевалился через борт, а кто-то посторонний, из-под воды, ловко вывернул лодку. И странное движение мхов в воде припомнилось, и таинственное лесное существо, и вновь дрожь прошила все его сырое, похолодевшее тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Колок – отдельно стоящий лес в поле или в степи.

2

Комель – здесь: нижняя, утолщенная, прилегающая к корню часть дерева.

3

Тальни?к – заросли ивы, вербы.

4

Верша – рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев, в виде круглой корзины с воронкообразным отверстием.

5

Увал – возвышенность с пологими склонами.

6

Ня?ша – вязкая жидкая топь, топкое дно озера.

7

Лончашок, лончак – перегодовалое животное (чаще о волке или о медведе).

8

Урман – густой дикий лес, тайга.

9

Заберег – полоса прибрежного льда.

10

Плёс, плёсо – чистая, незаросшая, открытая часть озера.

11

Голи?ца – кожаная рукавица без подкладки.

12

Хлев – помещение для домашнего скота.

13

Куржак – изморозь, иней.

14

Овчарня – овечий хлев или загон, стойло.

15

Вёдро – ясная, солнечная, сухая погода.

16

Застреха – нижний, нависающий край крыши у избы, сарая и т. д.

17

Е?герь – работник охотничьего хозяйства или заказника, в ведении которого находится охота и охрана угодий и обитающих в них животных.

18

Наст – оледенелая корка на поверхности снега.

19

Мах – шаг животного при беге.

20

Прибылой (волк) – здесь: молодой, нынешнего приплода.

21

Валежина – сухое дерево, упавшее на землю.

22

Стельная – беременная самка копытных.

23

Камус – выделанная шкурка с ног лося (от колена до копытного сустава). Используется таежными охотниками для подбивки лыж в целях предотвращения их обратного скольжения.

24

Колонок – хищный пушной зверек семейства куньих.

25

Сажень – старинная русская мера длины, равная 2,1336 м.

26

Тори?ть – прокладывать дорогу.

27

Батожок, батог – палка или толстый прут.

28

Сут?нок – толстое бревно, обрубок дерева.

29

Зимовье – здесь: место зимовки охотников, охотничья избушка.

30

Бродни – обувь охотников, сапоги с высокими голенищами (для хождения по болоту, воде, глубокому снегу и т. п.).

31

Горбы?ль – доска, выпиленная из края дерева, с корой.

32

Мешок-поня?га – деревянная заспинная дощечка с двумя лямками и несколькими парами ремней для привязывания груза, заплечный мешок.

33

Верста – старинная русская мера длины, равная 1,067 км. Здесь в значении «далеко».

34

Пихтачи? – заросли пихты, пихтовый лес.

35

Пя?льцы – здесь: приспособление для сушки шкурок пушных зверей.

36

Обели?ть – снять шкуру со зверька (спец.).

37

Нодья? – долго и сильно горящий костер охотников в лесу на ночлегах.

38

Гнус – летающие кровососущие насекомые (комары, мошки, слепни и т. п.).

39

Ря?жевая сеть – сеть с двойной делью (стенкой) (спец.).

40

Сетевая дель – нитяная часть сети (спец.).

Купить: https://tellnovel.com/trutnev_lev/zhivaya-dusha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити